

Агульная сямейная мянушка, як правіла, адрозніваецца па форме ў старэйшых і малодшых, у мужчын і жанчын: галаву сям’і завуць *Чорт*, яго сына – *Чарток*, а жонку *Чарціха*; бацька *Сібірак*, жонка *Сібірачка*, сын *Сібірачок*.

Сямейныя мянушкі-патронімы па форме часта супадаюць з прыналежнымі прыметнікамі і ўтвараюцца ад імені гаспадара сям’і (*Лукашавы, Валодзевы, Федзіны*) ці ад назвы яго прафесіі або пасады (*Бондары, Кузняцы, Аграномавы, Брыгадзіравы*).

Індывідуальныя патронімы могуць мець у сваім складзе не толькі суфікс *-ов-* (*Паўлючкова* – дачка Паўла), але і іншыя суфіксы (*Талян* – сын Анатоля, *Міцік* – сын Дзмітрыя, *Лаўрык* – унук Лаўрэнція, *Навумчык* – унук Навума, *Сцепанішка* – дачка Сцяпана, *Цімхоўна* – дачка Цімафея) і нават прыстаўкі (*Падцімух* – сын Цімафея).

Сямейныя мянушкі-матронімы, утвораныя ад імені гаспадыні, часта бываюць аманімічныя з прыналежнымі прыметнікамі і ўключаюць суфікс *-ін-*: *Матроніны* (ад Матрона), *Клаўдзіны* (ад Клаўдзя).

Пры ўтварэнні андронімаў актыўна выкарыстоўваецца суфікс *-іх-(а)*: *Лявоніха, Барысіха, Ніканорыха, Ільющыча, Валянцініха*, а таксама *Бараніха* (мужа называюць мянушкай *Баран* за ўпартасць), *Мошыха* (прозвішча мужа *Мошкін*), ужываецца суфікс *-ін-*: *Сініцына* (мянушка мужа Сініца), *Зомбіна* (мянушка мужа Зомбі), *Гвоздзіна* (мянушка мужа Гвоздзь), *Краліна* (мянушка мужа Краль).

Суфікс *-іх-(а)* настолькі актыўны пры называнні жанчын, што можа ўтвараць мянушкі нават ад прозвішчаў саміх жанчын: *Апеціха* (дзяўчына з прозвішчам Апет), *Спірыдоніха* (дзяўчына з прозвішчам Спірыдонава), *Фраліха* (Фралова), *Ляўчыха* (Ляўчук), *Новічыха* (Новікава), *Курашыха* (Кураш).

Заклучэнне. Такім чынам, адантрапанімныя мянушкі ўтвараюцца ад прозвішчаў, уласных асабовых імён, неафіцыйных найменняў не толькі саміх носьбітаў, але і іх сваякоў. Характарыстычная і аэзначная функцыі ў такіх назвах выражаны ў значна меншай ступені, чым у мянушках, што апісваюць фізічныя, псіхічныя, маўленчыя і іншыя асаблівасці чалавека. Паводле структуры адантрапанімныя мянушкі, як правіла, простыя, складаюцца з аднаго слова. У складзе такіх адзінак фіксуюцца разнастайныя суфіксы — *-іх-, -ов-, -к-, -ок-, -ін-, -ян-, -оўн-, -ішк-, -ух-* і інш. Састаўныя мянушкі тыпу *Сямён Сямёныч* (бо Сямёнава) ці *Вася У Квадраце* (бо Васіль Васільевіч) сустракаюцца рэдка.

Т.И. Синкевич (Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)

ТОПОНИМНОЕ ПРОСТРАНСТВО СЕЛЬСКОГО СОВЕТА КРИНКИ ЛЁЗНЕНСКОГО РАЙОНА ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

До сих пор одной из актуальных проблем современного языкознания является проблема изучения географических названий. Белорусская ономастика и топонимика, как часть ономастики, переживают в настоящее время период заметного оживления. В контексте возрождения белорусского языкового и культурного наследия изучение собственных имен представляется особенно важным не только для лингвистики, но и для более глубокого познания материальной и духовной культуры белорусского народа. Топонимы как одна из единиц собственных имен могут дать исследователю такую информацию, которую он не в состоянии получить ни от любого другого явления языка.

В нашей статье мы рассматриваем особенности номинации и функционирования отдельных разрядов онимов д. Кринки Лёзненского района Витебской области. В наименованиях, которые сохранились, на наш взгляд, отражается информация о жизни, быте предков, их миропонимание, раскрываются основы мирозерцания, особенности

культуры. Класс этих именовании непостоянен: уходят одни названия, им на смену приходят другие, ибо фантазия человека безгранична, безграничны его возможности.

Источником фактического материала стали названия географических объектов, записанные нами во время проведения диалектологической практики.

Цель работы – выявить особенности номинации и функционирования отдельных разрядов топонимов на ограниченной рамками одного района (с современной точки зрения) территории.

На полпути между Витебском и Лёзно находится станция Кринки и деревня с одноименным названием. Само название Кринки можно объяснить по-разному, и все версии имеют право на существование.

Во-первых, кринками на севере Беларуси называли криницы-родники с чистой ключевой водой, а их здесь очень много. Существует даже местная легенда, которую нам поведали старожилы. Звучит она так: «Однажды пастухи на пригорке нашли криницу, привели ее в порядок, стали брать там воду. Вода творила чудеса, с ее помощью лечили и людей и животных. Узнал об этом поп, позвал крестьян, чтобы возвести над криницей каплицу. Красиво получилось, но поп повесил на дверцу замок и сказал: «Теперь воду будете брать только за деньги». Утром следующего дня эта криница перестала бить из-под земли, но в других местах одновременно из-под земли забили ключи – криницы по-местному». Такова легенда. Большинство названий озер, связанных с легендами и поверьями, возникло на основе метафорического переноса, ибо метафоризация тесно связана с мифологическим типом мышления, отличающимся целостностью и универсальностью. Давая названия, человек стремился познать суть окружающего мира, дать ему оценку, «пропустить» его через себя и обрести в нем свое место.

Во-вторых, если посмотреть список названий деревень Кринковского сельсовета, то среди прочих названий можно отметить те, что издавна связаны с ремеслами, промыслами, собственно, и отраженными в самих названиях деревень. Например, д. Бондарево, где еще в XIX – начале XX в. жили и работали бондари, прославившиеся на всю округу. Еще в XIX в. была д. Винокорно, где располагался винокурный завод. А еще из залежей местной глины (некогда эта земля была богата залежами глины) гончары делали кринки-горлачики для молока, а отсюда и название деревни, то есть в основу наименования легла лексема «кринка, крынка» – «кувшин для молока». Лексема с таким значением зафиксирована на территории Беларуси и Польши (ср. блр. «крынка, кринка» (диал.) – «кувшин для молока, сосуд, квашня»; польск. «krzynów, skrzynów» – «деревянный, глиняный сосуд», «квашня, миска»). Таким образом, мы можем говорить о метафоризации названия. В-третьих, существует и еще одна версия интерпретации названия, и связана она с диалектной основой «крын,- крин-», имеющей значение «лилия», «водяное растение», именно так в данной местности называют лилии-кувшинки, растущие в водоемах. Возможно, что в основе названия деревни и диалектное слово «криничина» в значении «трясина», что вполне правдоподобно, так как в окрестных лесах много болот и топей, даже ягоды собирать опасно. Любая из версий имеет право на существование, но перед нами топоним, а мы знаем, что названия географических объектов, как правило, мотивированы признаком наиболее ярким, выделяющим этот объект среди ему подобных. В нашем случае, возможно, в основе номинации – признак наличия огромного количества криниц на территории, где сейчас расположена д. Кринки (ср. блр. «крыніца» – «родник», др.-польск. «krynica» – «родник, колодец»), а само название встречается не только на Витебщине, но и в других регионах Беларуси, а также на территории России, Украины, Польши.

В конце XX в. в состав Кринковского сельсовета входило 56 деревень, многие из них (38) не существуют сегодня, они сохранились пока только в названиях, интересных

не только как наименования географических объектов, в которых отражаются эпохи, но и как память о наших предках.

Рассмотрим некоторые из них. Интерес могут представлять названия, которые характеризуют поселение как объект, например, Слобода, Городище, Погост. Погост – пункт остановки, сбора дани, гостинцев. Тут велась торговля, съезжались купцы – гостьба. Одно время погостами назывались крупные поселения, а после принятия христианства погосты стали центрами сельских общин с церковью и кладбищем. С XVI в. лексема «погост» сохранилась в топонимах в значении «сельское кладбище». В основе названия и деревни и озера выделяем лексему «баба» (д. Бабча и озеро Бабча, первично название озера как более древнего географического объекта), в местных диалектах лексема имеет значение «поганский, языческий идол», здесь было языческое капище, что подтверждается археологическими раскопками на берегу озера Бабча, другое значение лексемы «баба» – «старое русло реки». В «Опыте описания Могилевской губернии» 1864 года записано, что «... местечко Бабча лежит при Зеленском озере на упраздненном Санкт-Петербургском тракте, окружено хвойным лесом и Веретейским болотом [1]. В Зеленское озеро, что расположено рядом с озером Бабча, впадает три реки. В древности это могли быть старые русла рек, следовательно, значение названия озера Бабча можно вывести из значения лексемы «старое устье реки» (возможно, что и это озеро когда-то было проточным). По словам местной жительницы Еленцовой О.А., «баба» – это ком глины, подготовленный как сырье для изготовления гончарных изделий, таким образом, название мотивировано лексемой с диалектным значением, указывает на род деятельности человека. Среди жителей деревни существует мнение, что Зеленское озеро или озеро Зеленое названо так из-за зеленого цвета воды, хотя можно интерпретировать название озера и по названию рыбы – «зеленушка», которую ловили здесь местные рыбаки в огромном количестве. Есть еще один вариант трактовки названия, он связан с растением «зеляник», которое использовали как лекарственное средство, заваривая его в горшке, изготовленном из местной глины. Но самой вероятной версией возникновения названия, на наш взгляд, является та, что будет связана с антропонимным происхождением, о чем свидетельствует наличие суффикса –ск- в основе топонима (возможно, что Зеленские, их род, некогда владели здесь землей, и их фамилия послужила основой названия и озера и деревни (к сожалению, деревня с таким названием не сохранилась).

Интерес представляет и название д. Велешковичи. На карте Витебского повета XVI в. – это центр одноименной волости, центр имения князей Огинских, сегодня – центральная усадьба сельсовета. Находилась она на оживленном коммерческом Яновичском тракте, который связывал Витебск и Смоленск. Имение Велешковичи называли еще и Варшава, потому что в окрестности был фольварок с таким названием. В географическом сборнике документов из книг «Виленского архива» [2] встречаем запись 1716 года: Варшава или Вилишковичи. В начале XVIII в. Мартиан Огинский задумал создать здесь город с названием Русская Варшава. Известный этнограф Н.Я. Никифоровский, живший в этих местах, в своих исследованиях пишет название Вилишковичи. Этимологию названия связывают с именем Велимир, Веля, а также с именем бога Велеса, который был покровителем домашнего скота. Недалеко от имения было пастбище, а дальше лес, который называется Асташевским по имени охотника Асташки (разговорная форма имени Ефстафий), которого во время охоты разорвала медведица.

Многие названия претерпели изменения, например, д. Вшивка – Новь – Владиславово – Станиславово; многие имеют параллельные наименования, например, Большая Выдря (Занковичи) – Выдря (Заречье), Слободище (Капустино), Рублево (Рублево-Ковенское). Причин переименования или наличия параллельных названий несколько, во-первых, неблагозвучное название, во-вторых, название уже утратило связь с этимологией и стало неактуальным, в-третьих, появились другие факторы, которые наиболее полно раскрывают содержание наименования, по-другому мотивируя его.

Повышенный интерес к онимам определяется их особым положением в языке. С одной стороны, они, несомненно, являются частью лексической системы, функционируют в ее рамках, развиваются по ее законам; с другой стороны, помимо лексического компонента, имена собственные в свое понятийное содержание более четко и объемно включают также историческую, культурологическую, этнографическую информацию и очень чутко реагируют на любые изменения, происходящие в обществе.

Литература

1. Опыт описания Могилевской губернии». – Могилев, 1864.
2. Сборник документов Виленского архива. Т.1.– Вильно, 1921.
3. Этимологический словарь славянских языков. Вып.2. – М., 1986. – С.145.
4. Историко-этимологический словарь русского языка. – М., 1992. – 597с.

Т.В. Скребнева (Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)

СОВРЕМЕННЫЙ АНТРОПОНИМИКОН Г. ПОЛОЦКА: ЯДЕРНАЯ ЧАСТЬ

Полоцк – один из древнейших городов Восточной Европы, колыбель белорусской государственности и культуры. Богатое историческое прошлое города исследовано и продолжает исследоваться в самых разных аспектах, но при этом антропонимный фонд Полоцка, неотъемлемый компонент историко-культурного наследия, не находит должного внимания со стороны краеведов.

Большую работу по изучению системы личных имен полочан в XX в. проделала А.М. Мезенко, выявившая частотность употребления женских и мужских именованний, особенности динамики гендерных составляющих регионального именослова, степень влияния национальности родителей на процесс номинации [1]. Настоящее исследование носит преемственный характер и имеет своей целью установление количественно-качественной специфики именника полочан в 1-м десятилетии XXI в. с акцентом на активных процессах в ядерной его части. В качестве материала нами использовались списки новорожденных г. Полоцка за 2001–2010 гг., предоставленные работниками Главного управления юстиции Витебского облисполкома.

Как удалось установить, в 1-м десятилетии XXI в. в г. Полоцке зарегистрировано **147** мужских и **208** женских имен (общее количество имяносителей мужского пола в списках – **3331**, женского пола – **3862** человека). Максимум мужских именованний приходится на 2010 г. (**79** единиц), минимум – на 2005 г. (**43**); максимальное количество женских имен отмечено в 2009 г. (**82**), минимальное – в 2003 г. (**60**). Таким образом, сохраняется характерное для женского антропонимикона 2-й половины XX в. количественное преобладание и повышенное качественное разнообразие по сравнению с антропонимиконом мужским.

В первую десятку самых популярных мужских именованний полочан на срезе 2001–2010 гг. входят следующие антропонимные единицы: *Никита* (**203** имяносителя), *Владислав* (**195**), *Максим* (**177**), *Артем* (**174**), *Александр* (**163**), *Даниил* (**157**), *Кирилл* (**137**), *Илья* (**126**), *Иван* (**124**), *Дмитрий* (**122**). В совокупности они обслуживают **47,37%** новорожденных мальчиков. Совпадение с первой десяткой лидирующих мужских именованний г. Витебска (данные за 2010 г.) по **8** единицам (*Никита*, *Владислав*, *Максим*, *Артем*, *Александр*, *Даниил*, *Кирилл*, *Иван*) свидетельствует об общности номинативных процессов в северо-восточном регионе Беларуси. Местные антропонимные предпочтения полочан проявляются в большей употребительности по сравнению с Витебском именованний *Илья*, *Дмитрий*. Отдельно хочется обратить внимание на традиционно высокопопулярное имя *Александр*, которое в начале XXI в. в Полоцке занимает **5-**